

А
Л
Я
Е
К
С
А
Н
Д
Р
С
И
С
К
И
Й

П
Р
О
И
З
В
Е
Д
Е
Н
И
Е
Ч
У
В
С
Т
В
С
П
Р
И
Я
Т
О
Г
О
И
Я

Александр Сергеевич Ясинский
Произведение
чувственного восприятия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23733983

Аннотация

Это сложно передать словами. Ритм зарождающейся и гаснущей жизни в приливах и отливах энергии Вселенной. Это нужно прочувствовать.

Начало закрыто.

Начало заблокировано, замуровано, скрыто. Но в начале был и Он.

Начало – это инертный червь, свернувшийся в темнице моего мозга.

Поэтому, то когда я стою на базарной площади в игре солнечного света и теней раскидистых деревьев, будет началом.

Мы говорим о времени, пожирающем своих детей. Толстяк, чье имя также, возможно, Алекс спрашивает цену полевых цветов у торговки, сидящей внутри механической повозки. Ответ не приходит. Он спрашивает четыре, а может пять раз. Пять или шесть. Причем паузы между вопросами все увеличиваются и равны минутам. Которые незаметно съедаются вместе с большими единицами измерения, поэтому, когда он и получает ответ, что в принципе, уже не существенно, проходит чересчур много времени и Он покидает мир, что ощущается сразу, и все вокруг меняется. Разговоры о времени увлекают Алекса, и он растворяется в нем. К его имени можно было бы добавить эпитет Искушенный, когда бы не нашел он сил вернуться, чтобы схватиться в битве с огненным драконом, вышедшим из пространства на некотором расстоянии над землей. И оба погибают.

По-видимому, тогда и возникает Книга. Книга, которая впоследствии окажется Книгой Незаконченных Произведений. Произведений жизни?

Подходя к крепости, которую покинул, мощному прямо-

угольному зданию из бетона и не только, с окнами-бойницами и открытым для всех входом, я вижу останки тех, кто пришел сюда с войной и злобой, окаменевшие останки размазанной кашицы, скорлупу доспех. Они лежат по одному, ибо приходили в разные циклы и с разными судьбами, но их объединяют намерения. Это останки людей и демонов.

Именно среди них я обретаю свой потерянный меч, изогнутый, с лезвием похожим на косу, но сначала появляются красные наручи и другие атрибуты причудливых доспех, и я кланяюсь восьми сторонам света. Я уходил искать совершенства и постигать бывшее ранее недоступным. Кажется, я несу в себе что-то новое, но все прошлые деяния тут же покрывает туман. Я мыслю чувствами.

Ну что еще сказать? Что имя Его так же значит – Черный, а здание – приют, сакральная твердыня, убежище его религии.

Я – в дверях, и, не смотря на грозный вид, смиренно прошу привратника пропустить. На удивление легко он соглашается, трясая лысой головой и шелестя ниспадающими одеждами отступая в сторону, но, предчувствуя ловушку, я настороженно разглядываю затененные своды и потолочные перекрытия пустого вроде бы холла, прежде чем тронуться внутрь.

Они не замедлили показаться, когда я был на середине. Выйдя напрямик из тусклых стен и окружив меня. Воины, за каждым из которых стоит частичка мощи Черного; сюда не

приходят с оружием и они вряд ли дадут мне высказаться. Я могу сражаться с ними, и может быть победить, но, отринув недостойную мысль, все же бросаю меч.

Пав, он звенит – здесь нет эфемерности.

– Мне нужно увидеть Его, – говорю я и вспоминаю, что должен был вернуться перед конечной битвой.

Забвение несущие клинки опускаются и изучающие плоть копья приходят в движение, чтобы пронзить меня... но исчезают, ибо в этом нету надобности.

В шагах от меня возникает женщина, идущая по коридору мне навстречу. В ней нет ничего необычного, это всего лишь мой проводник к месту, где Черный.

– Не бойся, это всего лишь снотворное, – говорит она, делая мне укол в бицепс. Я понимаю их опасения, опасения рачительных слуг и наместников в отсутствие господина потерять добро переданное на сохранность.

– Сколько осталось до битвы? – спрашиваю, когда глаза закрываются, цепенеет язык, а ноги движутся в указанном направлении, подчиняясь ритму, приходящему извне.

– Тридцать минут.

Тридцать секунд? Абсурд. Мозг слишком слаб, объятый дремотой, чтобы проследить связи между вопросом-ответом и вычислить в чем измеряют здесь, в здании.

– Она уже проиграна, – выдавил я. – Ибо я не успею...

Лестница из круглых булыжников, скрепленных меж собой мукой и кровью, восходит на этаж второй, где вращают-

ся зеленые колонны энергий, украшенные гирляндами подношений, цветами подвигов, терновыми венцами аскез. Попутно я нахожу еще одну книгу, озаглавленную: «Равнины его плоти», или она находит меня.

Беседы, видения, откровения, которые сгорают при соприкосновении с бумагой.

Поэтому следующий эпизод – когда я бросаю в жаждущий огонь найденную книгу. Чтобы через огненное жертвоприношение донести ее до Него? Нет! чтобы уничтожить? Не получится. Потому что так было велено? Что ж, может быть. Дабы освободить заключенные в ней сущности? Слишком легкий выход из создавшегося положения. Он определенно не допустит этого.

Для чего же?

Не знаю – все это игры, не доступные моему пониманию.

Та же участь ждала и мою книгу, не почувствуй я жалость к своему творению. Произведения должны быть закончены, а жизни – прожиты. Да будет так.

И меж двух колонн, где до этого был лишь некий рукотворный образ, возникает Искушенный, изменивший облик на тело сухое и загорелое, антропоморфное и безволосое, с руками Пустыми Несущими Смерть. Это – атрибуты.

– Но разве прельстившись низкими эмоциями, а, после, погибнув, ты не должен быть сейчас в аду, вращая неподъемное колесо Сансары? – удивляюсь я.

И Алекс отвечает мне голосом Черного:

– Отдавши жизнь за меня, ужель не спасется?

И битва приближается! Впереди нее – девятый вал, за-топляющий здание. Уже поглощенный бурлящим потоком, я вдруг обнаруживаю себя заключенным в прочный энергетический шар, возносящий над и вон.

Туда, на землю, где прежде нужно расчистить заготовленное великое поле от кочевых племен. Они внизу – ничто, но общеизвестен их предательский и подлый нрав. Металлические люди и металлические звери прячутся в свои передвижные убежища из металла, становясь с ним единым целым. Закрываются люки и выдвигаются орудия.

Соблазны нежности.

В какой-то момент я вижу под ногами дерущихся потерявшегося котенка.. Коричневая пушистая шерстка, с черными полосками. Бездонные черные глаза. Перебегая от одного трансформирующегося железного жилища к другому, пролезая в щели в заборах и меж перекладин, вот, едва не раздавлен массивной звенящей ступней, он рядом со мной. Во мне просыпаются жалость и умиление. Мне удастся подхватить на руки перепуганное существо. По крайней мере, он *выглядел* напуганным.

– Я сберегу тебя, – шепчу я ему в ушко. – Пусть даже для этого придется уничтожить обе враждующие стороны.

И укрывая ладонями теплое тельце от смертельных излучений, радиации и трассирующих очередей, да вспышек светового оружия я готов осуществить заявленное.

Из облака дыма появляется несущийся с ревом кочевник. Он скорее повергнут в ужас и больше помышляет о спасении, нежели о нападении. Но эмоции искажают картину, и я, махнув мечом, разрубаю его наискось от левого уха до правого бедра. Меньшая часть медленно сползает, набирая скорость в грохоте отваливающихся деталей, подобно лавине. Искалеченное тело теперь застыло как вкопанное, и я могу видеть сквозь образовавшуюся брешь, как вращаются зубчатые колесики и сдвигаются реле, затем – всполохи разрядов и оно рушится.

Место очищено: по поверхности текут реки расплавленного металла, в котором стоят явившиеся свыше воины, оружие их опущено. Отовсюду появляются боги и их приспешники. Одни из них злы и коварны, другие – добры и беспомощны, третьи – только считают себя богами, не являясь таковыми, о четвертых можно сказать, что они стары, а старость, как известно, стирает цвета, пятые слишком сложны, чтобы быть подогнанными под какие-либо категории, много форм и обмана.

Я отворачиваю голову туда, где стоит победоносное воинство сплоченными рядами, и внезапно постигаю, что значит «равнина его плоти». Впереди – Черный во всем своем величии, нет, не мощи, а именно величии и великолепии.

– Отпусти их! – кричит моими устами подсознание. – Именно сие я шел до Тебя донести. Битва проиграно, ибо все это – ложно, суть иллюзия одна.

– Ты ошибаешься, – лучезарно улыбаясь, отвечает мне Он.

Но все это – сон.

А вот – не сон.

Там, где не существует даже осколков, где разрушен сам космос и понятие «пустота» единственно верное, снуют мысли поверженных и уничтоженных великой катастрофой. Само пребывание здесь означает конечность. Одно осознание, что все предшествовавшее порождено невежеством твоего мозга дает освобождение и слияние с нирваной, прочие – рано или поздно вновь сойдут в миры суеты. Однако великая битва, произошедшая в Причинных мирах, разбросавшая раненных и мертвецов, амуницию и артефакты, амбиции и несбывшиеся надежды по Причинно-Следственным мирам, видимо не переварила без остатка моей сладкой плоти, и теперь где-то в неопикуемой дали, на забытой окраине, в каком-то из бесчисленных как грязь миров Следствия, на вершине холма, в квадратном помещении без окон и радости, в свете пылающей в лампах по углам благовонной смолы, бритоголовые монахи заканчивали приготовление моего брэнного тела. Данные миры не могли при всем суммарном желании населявших их оказать никакого воздействия на Причинную верхушку, но теперь так вышло, что и сам я оказался заброшенным туда, где быть рабом чужих поступков, отражением неких мыслей, означало жить независимо. Свободно. По своему счастливо. Хуже того, своими инстру-

ментами монахи вовлекали меня в цепь еще более мрачных перерождений, имеющих место быть в низших мирах.

С вершины, через замутненную, но еще мыслящую середину Причинно-Следственных миров – туда, где в нечистотах и забвении лежит основание маха-пирамиды – скорбные миры Следствия.

Так я оказался посреди вязкой, еще не оформившейся равнины. Утопающей в тумане, либо вниз головой в месте, сотканном из эфира с грязевыми небесами. Слева от меня, обгоняя, бодрой постукивающей походкой проходит скелет в набедренной повязке из высушенной человеческой кожи, («шшш-шшш, шшш-шшш» – трутся, болтаясь то, что было прежде руками меж бедренных костей шагающего остова), под мышкой скелет волочит за ноги мертвого великана и исчезает в клубящейся дымке. Справа – помесь свиньи и выдры, похрюкивая, лижет жирный труп. Позади – шум и крики, как если бы толпы преследователей, угрозы и звон железа, и я невольно убыстряю шаг, поскольку впереди – ворота из грязи, за которыми – ночь – полная – тишины, и звезды выколоты, как бесстыжие очи провинившегося, а луна заточена в гортани стражника, держащего чашу забвения и лопату. Имя сим вратам – Убежище. Вход туда легок и приятен. Выход отсутствует за ненадобностью.

Потом и когда не осталось более жертвенной пищи: боль и раздражение; теперь я иду по местности усеянной разбро- санными внутренностями, в дальнейшем концентрация на-

растает, чтобы достичь апогея у распахнутых врат без стены. Я подхожу к ним, охраняемым Потрошителем и Кромсателем Плоти, которые напоминают оставленных в середине процесса бальзамирования мумий, и лохмотья пелен и вострые блестящие ножи, остроту коих можно ощутить на расстоянии – их атрибуты.

Но знание имен и обращений, правильно исполненный ритуалы, там, на поверхности под солнцем, дают мне власть над ними, бранными, и я вхожу, а стражи оборачиваются вслед, друг к другу, и их взгляды встречаются, что никогда не должно происходить. В полном молчании они начинают обмениваться яростными ударами.

Эта страна источена ямами тьмы и нечистот, откуда тянутся когтистые руки и доносятся стоны. Те, что на дне ям ожидают ловкого. Те, что часть ямы ожидают быстрого. И сильных ожидает яма. Лишь только знание способно провести невредимым меж созданий страны этой.

Я ощутил зуд и еще раздражение, внутренним оком вот я вижу могилу – насыпь камней – и пустые глиняные чаши, брошенные четки и нерадивых служек, покинувших свой пост, и мной овладела злость. Злость как ответ на боль, причиненную плохо исполняемыми обязанностями.

Я потянулся...

Я исторг нечто похожее на рык, захрустев тем, что раньше было суставами.

И тут я вошел в тело! Я почувствовал давящий груз бу-

лыжников и буравящих ходы червей, запах перегноя смешался с застарелым запахом благовоний и растворов, с ожесточением я ворочался, сбрасывая протестующих паразитов, пока не сломался деревянный саркофаг, и я не поднялся, разбрасывая щепки, комья земли и ненавистные камни из могилы, своей могилы.

Неуклюже переваливаясь, я побрел вниз по тропе, меня окружал настоящий твердый воздух, но я не мог дышать, ибо мои легкие покоились в сосуде в квадратном здании без радости, и язык, и бедное сердце тоже. Я мог раздобыть питье и еду, но мой слипшийся желудок не принял бы их, кишки, ныне намотанные на молитвенный барабан, возвышающийся на крыше здания, теперь сушились на солнце. Я мог найти женщину, самку человеческую или демоническую, но на что она мне? Наконец, легкий ль ласкающий ветерок, палящий зной иль завывающая на вершинах снежная буря – все было для меня едино. Едино недоступно чувственной сфере, а сие было, мягко говоря, неприятно. Дико вращая высохшими глазными яблоками, я брел по тупиковому пути.

Тут из-за поворота показался тощий крестьянин, весь согнувшийся под непомерной вязанкой дров. Трудолюбивый, бедный, сердечный. Заботы о семье летали над его плечами, дополнительным грузом ложась на плечи. Глазища его расширились до невозможности, не бывает так у людей, не должно быть вовсе, и поленья вдруг застучали, упав с плеч, дико взвывая, бедняга бросился откуда держал путь.

Шатаясь, я приблизился к краю тропы. И склонившиеся под дуновением горного ветра редкие перышки чудом прилепившейся на кромке обрыва травы дружно указали мне путь. Я посмотрел туда, где искрилась, неистовствуя зажатая в тесные берега ущелья, очистительная река. На склонах трепетали хрупкие растеньица, в трещинах укоренившиеся с позволения величественного кряжа деревья являли миру причудливость изогнутых форм. Ослепительное на такой высоте лазурное небо без единого облачка говорило: «Иди!». И я принял решение и мир, должно быть, вздохнул с облегчением когда, оттолкнувшись, я нырнул вниз.

* * *

Снова в тумане – брате обмана и ворота затянутые паутиной. Выложенные из поленицы шевелящихся мертвецов, имя им – Тлен, и прислуживает там тварь вывернутая наизнанку, и страшен и отвратителен облик ее.

После увидел я мягкий белый свет, но он был отчаянно недосыгаем. За ним пришел желтый свет и с ним тоскливый вой и призрачное свечение бледных поганок на корявых пнях и в опаленной мураве. Пятна лишайника на камнях и моих пальцах. Лик бескровный, на котором вырезаны все имена страданий от голода и жажды. Но я не жалел ни о чем оставленном на земле и мир духов уступил свету зеленому.

Блаженство безмыслия. Миллионы обличий и образов

жизни. Тонкие наслаждения недоступные миру людей, спрятаться и переждать, не страдать и не искать, отдых, сон, отдых.

Нет!

И все растворяется в свете синем. Там, где только что был мир животных, теперь я вижу женщину и мужчину позади нее. Яростные движения в ритме совокупления. Движения маятника, движения космических приливов и отливов.

Свет заводит, манит и притягивает. Он сулит возвращение чего-то недавно утерянного, совсем вот рядом, стоит оглянуться, но уже забытого. И я замираю в сладкой истоме предчувствия. Приближение. Теплота. Сквозь мягкий дремотный полог. Кажется, я начинаю что-то вспоминать. Вот-вот. Но нет. Задержка. Опять. Не могу выйти. Мокро. И вдруг синий свет вспышке раздражения сменяется для меня всеми отсветами ярко-красного. Да, я ощущаю, остро чувствую раздражение и ревность. Поразительно, но именно таким я рождаюсь в мире людей.

Конец